

В. В. ПРОЗЕРСКИЙ — М. М. БАХТИН: ДИАЛОГ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЕЛЕНА УСТЮГОВА

Елена Николаевна Устюгова — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: elena.ust@gmail.com

В статье проводится обобщенное рассмотрение работ В. В. Прозерского, посвященных проблеме коммуникации в искусстве и культуре. Размышления В. В. Прозерского об эстетической коммуникации легли в основу его представлений о природе эстетического и о предмете эстетики. Проблема коммуникации играла концептуальную роль в его культурологических и эстетических воззрениях. Он понимал коммуникацию как начало, связующее человека, культуру и цивилизацию, и как онтологическую основу такой интеграции. В ее осуществлении он подчеркивал особую роль и значимость эстетической и художественной коммуникации. В творчестве эстетической и художественной реальности взаимно проникают и обогащают друг друга экзистенциально-личностные, культурно-смысловые, чувственные и трансцендентные интенции человеческой жизни. Такое представление складывалось под влиянием и в многолетнем диалоге с идеями М. М. Бахтина, которые В. В. Прозерский сохранял, обобщал и развивал в своих работах. Он реконструировал философско-эстетическую концепцию Бахтина, представил эволюцию его идей, осмыслил его вклад в теоретическое самосознание эстетической науки. Этот анализ привел В. В. Прозерского к осознанию эволюции эстетической мысли — от классической к современной эстетике. Он выявил связь классической,

неклассической эстетики, представителем которой он считал Бахтина, и современной эстетической парадигмы и показал значимость этих связей в эстетической теории для понимания смысловых пульсаций в истории культуры.

Ключевые слова: Прозерский, Бахтин, культура, искусство, типы коммуникации, эстетическая коммуникация, онтология эстетического, полифония, событие, перформативность, соотношение классической и современной эстетики

V. V. PROZERSKY — M. M. BAKHTIN: DIALOGUE ON AESTHETIC COMMUNICATION

Elena Ustiugova

D. Sc. in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: elena.ust@gmail.com

The article provides a generalized review of works on the problem of communication in art and culture by V. V. Prozersky. His thoughts about aesthetic communication formed the basis of his ideas about the aesthetic nature and the aesthetic subject. The problem of communication was an important concept in his views on culture and aesthetics. V. V. Prozersky understood communication as something that connects man, culture, and civilization, and as an ontological basis of such integration. He emphasized the special role and significance of aesthetic and artistic communication in its implementation. In the process of aesthetic and artistic reality creation personal, cultural, semantic, sensual and transcendental intentions of human life interconnect and enrich each other. Such a view developed under an influence and in a long-term dialogue with ideas of M. M. Bakhtin which V. V. Prozersky saved, generalized and developed in his works. He reconstructed a philosophical and aesthetic concept of Bakhtin, presented the evolution of his ideas, comprehended his contribution to the theoretical self-awareness of aesthetic science. This analysis led V. V. Prozersky to the realization of the evolution of aesthetic thought — from classical to modern aesthetics. He revealed a connection between classical, non-classical aesthetics (of which he considered Bakhtin a representative), and the modern aesthetic paradigm. He showed the significance of these connections in aesthetic theory for understanding semantic pulsations in the history of culture.

Key words: Prozersky, Bakhtin, culture, art, types of communication, aesthetic communication, ontology of aesthetic, polyphony, event, performativity, correlation of classical and modern aesthetics

Круг научных интересов В.В. Прозерского был очень широк — от истории эстетики (античность, эстетика XVIII века, эстетические идеи А. Баумгартена, русская эстетика XIX и XX веков, эстетика М.М. Бахтина, современная англо-американская эстетическая мысль), до горизонтов практической эстетики (эстетики дизайна и городской среды, экологической эстетики) и, наконец, до концепции философии культуры с определением в ней места эстетики. В последнее время во многих его работах прослеживается устойчивый интерес к проблеме эстетической коммуникации, ставшей основой для широких философско-культурных обобщений и новой концептуализации современной эстетики. На протяжении более десяти лет Вадим Викторович обращался к этой проблематике, выявляя все новые ракурсы исследования — от традиционного рассмотрения художественной коммуникации: «автор — произведение — реципиент», к аналитической интерпретации экзистенциально-психологических взаимодействий в художественном общении, и до рассмотрения диалогического потенциала эстетической коммуникации в концепции М.М. Бахтина, что привело его к осмыслению соотношения трактовок коммуникации в классической и современной эстетике. В подтексте рассеянных в разных статьях размышлений В.В. Прозерского об эстетической коммуникации, которые мы попытались обобщить в данной публикации, всегда просматривается его представление о природе эстетического и о предмете эстетики. Эти мысли рождались в анализе идей о предмете и методологии эстетики, высказанных разными, в том числе и современными, авторами, но его главным собеседником был М.М. Бахтин, к сочинениям которого В.В. Прозерский постоянно обращался.

В течение многих лет он изучал творческое наследие М.М. Бахтина, которого считал главным теоретическим авторитетом для себя, и во многих своих рассуждениях опирался на его работы. Подробно и глубоко вникая в его идеи, Вадим Викторович анализировал их эволюцию, реконструировал философско-эстетическую концепцию Бахтина, и осмыслял тот вклад, который внес Бахтин в определение самых существенных проблем теоретического самосознания эстетиче-

ской науки. В конечном счете, этот анализ привел и самого В. В. Прозерского к осознанию эволюции эстетической мысли от классической эстетики к эстетике Бахтина, преодолевающей классическую парадигму, а затем к идеям и подходам современной эстетики, выходящей к радикально иным эстетическим горизонтам.

Первым достижением Бахтина Вадим Прозерский считал его трактовку эстетического бытия как особого вида бытия мира наряду с материальным и психическим, на этом положении была основана критика Бахтиным психологизма и формализма, свойственных старой эстетике. Анализируя работу Бахтина «Проблема материала, формы и содержания в словесном творчестве», Прозерский отмечал, что в ней были заложены основы новой области эстетики — *онтологии эстетического*. По его мнению, тезис о том, что произведение искусства, не сводимое ни к материалу, ни к психике творца и воспринимающего, обладает собственным бытием, сразу выделяет теорию Бахтина из того ряда современных ему и последующих теорий, которые не сумели уловить бытийный статус эстетического объекта. Произведение искусства, по Бахтину, существует в мире ответного взаимоотношения всех ценностей действительности, вовлеченных в его создание, и образует форму целостности новой реальности — эстетического мира. Эстетический объект рождается как продукт творческой эстетической деятельности, благодаря которой возникает взаимопроникновение формы содержания и содержания формы. При этом художественно творящая форма оформляет прежде всего человека, а также оформляет мир, но лишь как мир человека (Prozerskii, 2011, 538-543).

Говоря об онтологическом подходе к эстетическому бытию М. М. Бахтина, В. В. Прозерский показывает, что его эстетика не была отдельной частью его мировоззрения, а вплеталась в самую глубину его философских размышлений, равно как и его учение о языке и о полифонии. В этой целостности мировоззрения Бахтин проявил себя в полной мере как мыслитель XX века, поскольку, как отмечает В. В. Прозерский, основными структурообразующими линиями философской мысли нашего века являются онтология, феноменология, герменев-

тика, нацеленные на раскрытие сущности (смысла). Исследователь видит в философии Бахтина, прежде всего философию языка как онтологию, пользующуюся феноменологическим методом (Prozerskii, 1997, 252). Реконструируя бахтинскую концептуальную логику, Прозерский выявляет связь онтологии языка с онтологией человеческого бытия, смысл которого достигается вовлеченностью языка в бытие конкретного человеческого существования, изнутри осмысляемого в формуле «Я есмь». При этом «само Я есть событие, оно существует как я-для-себя, я-для-другого и другой-для-меня» (Prozerskii, 1997, 253-254). Таким образом, раскрытие экзистенциально-го базиса философии культуры требует создания новой онтологии языка, на основе которой следует развивать методы интерпретации текстов, то есть герменевтическую методологию. Иными словами, «в любом высказывании присутствуют и мысль о мире, и мысль в мире» (Prozerskii, 1997, 254).

Отсюда следует, что любой текст культуры должен быть помещен в контекст общения с другими текстами культуры. Тогда слово окажется «сценарием» того события, которое привело к рождению дошедшего до нас через пласты времени кем-то сказанного слова, то есть слово представляет собой сценарий, с чьей помощью можно восстановить само событие (Prozerskii, 1997, 255). Прозерский отмечает, что высказанная Бахтиным идея реставрации ситуации общения для схватывания целостного смысла высказывания, расходится с процедурами традиционной герменевтики. На этом основании он называет метод Бахтина «диалогической герменевтикой», полагая, что она может применяться не только к художественным, но и вообще ко всем текстам культуры (Prozerskii, 1997, 255-256).

Раскрыв эстетическую природу онтологии и герменевтики Бахтина, В. В. Прозерский подходит к его концепции коммуникативности, выводящей на следующий уровень понимания эстетической деятельности как специфического вида бытия. В связи с этим он обращается к проблеме языка искусства. Качество смысла, по Бахтину, имеет только высказывание, обращенное к другому, а само сообщение принадлежит не только коммуникатору, но и реципиенту. Прозерский отмечает, что в этих положениях закладываются основы будущих

идей диалогизма — учения Бахтина о двух позициях человека по отношению к миру — и подчеркивает, что положение Бахтина о возможности понимания высказывания только в целостной ситуации его выражения, продолжило линию русской философии, искавшей цельного знания, объединявшего мысль, язык, чувства и веру. Такое направление идей можно обнаружить и в концепциях русской религиозной философии, русского символизма (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев) и художественного авангарда (В. В. Кандинский, К. С. Малевич). Идеи интеграции форм сознания и жизнестроительный пафос, присущие русской эстетике 1920-х годов, были созвучны идеям онтологизации эстетического и полифонизма в учении Бахтина, формировавшегося в это же время.

Выявляя внутреннюю мотивацию хода размышлений Бахтина, В. В. Прозерский считает, что его задача заключалась во включении «идеологической» (т. е. культурной) смысловой значимости в формальную конструкцию. Но для того, чтобы понять, как это происходит, надо найти посредника, соединяющего в целое столь разные миры — жизненный и смысловой, иначе говоря, надо найти медиум. Понятие медиума или медиа в структуре произведения искусства было введено в науку кругом Бахтина — к такому выводу Вадим Викторович приходит в результате анализа языковедческих работ учеников и соратников Бахтина — В. Н. Волошина, П. Н. Медведева (Prozerskii, 1995, 23-25).

Оценивая вклад методологии Бахтина в теорию эстетики, В. В. Прозерский проводит сравнительный анализ концепции языка искусства Бахтина и современных теоретиков языка, так называемых, «эссенциалистов» (Р. Шустерманн) и представителей лингвистической аналитики — «антиэссенциалистов» (М. Вейц, П. Зифф, Н. Гудмен). Выявляя суть их методологических расхождений, В. В. Прозерский показывает, что «антиэссенциалисты» видят главную задачу современной эстетики в достижении лингвистической однозначности эстетической терминологии, чтобы, в конечном счете, прийти к консенсусу в эстетической коммуникации. Так, по Гудмену, не существует субстанциального различия между искусством и другими формами символической деятельности, их разница только

в функционировании символов, выявлением специфики которых и должна заниматься наука. Эссенциалист Р. Шустерман, наоборот, предлагает следовать традиции поисков неизменной сущности искусства, поскольку в аналитических исследованиях нет места эстетическим качествам, а без них теряется сам предмет эстетики. По мнению В. Прозерского, очевидна ограниченность обоих подходов, поскольку, хотя изучение дискурсивного аппарата эстетики и содействует развитию этой дисциплины, но его явно недостаточно для содержательного раскрытия ее предмета, а методология *эссенциалистов* не учитывает изменений, произошедших в искусстве в современной культурной ситуации. Оценивая эти изменения, Вадим Викторович показывает, что в современной культуре отношение к искусству определяется не столько эстетическим качеством произведения, сколько тем символическим контекстом, в который оно вовлечено. Поэтому современной эстетике приходится исследовать не само искусство, а дискурсы о нем (околохудожественные тексты) (Prozerskii, 2018, 56-61). По сравнению с односторонностью таких современных подходов эстетическая концепция Бахтина оказывается более фундаментальной, так как она исходит как из специфики эстетического предмета, так и из возможных трансформаций искусства в социокультурном контексте.

В связи с этим В. В. Прозерский вновь обращается к рассмотрению идей Бахтина, высказанных в его поздних произведениях. По его мнению, если до выхода книги о Достоевском, Бахтин оставался еще на позициях классической эстетики, то после 1929 года его идеи в большей степени соответствуют парадигме неклассической эстетики, так как, перейдя к концепции полифонизма и диалогизма, Бахтин создал совершенно новое учение о природе художественного произведения. По мысли Вадима Викторовича, открытие Бахтина заключалось в выявлении разных уровней диалогичности: на этическом уровне — это диалогичность жизненной идеи личности, требующей встречи с идеей другого; на эстетическом — положение об эстетическом объекте, оформленном активностью другого сознания; на уровне языка — учение о диалогическом слове, несущем в себе полифонию голосов; на уровне культурно-историческом —

идея полифонии текста, смысл которого надо искать в межтекстовом пространстве Большого времени культуры в зоне его соприкосновения с другими текстами. Таким образом, Прозерский определяет суть бахтинского многомерного диалогизма, содержанием которого является «смысловая позиция» человека в мире, его самосознание (Prozerskii, 2018, 175-194). В. В. Прозерский солидарен с мыслью Бахтина об активном действенном характере диалогизма, требующего творческого преодоления позиции отражения, созерцания. В этом смысле весьма интересна его трактовка эстетического события, чему посвящена последняя, находящаяся в печати, работа В. В. Прозерского, написанная в соавторстве с А. Е. Радеевым (Prozerskii & Radeev, 2019). В этой статье он рассматривает разные трактовки *эстетического события* — ныне популярной категории современного эстетико-философского дискурса. Прозерский опирается при этом на учение Бахтина об эстетическом событии как ценностно-окрашенной коммуникативной ситуации, показывая, что данная Бахтиным характеристика эстетического события сохраняет свою значимость и для современной эстетики. Это касается прежде всего положений, что эстетическое событие продуктивно, и что оно имеет дело с единичным. По мысли Вадима Прозерского, само произведение искусства — это и есть эстетическое событие как уникальный след, который оставила от себя встреча автора и его героя. В полифоническом произведении герой не закончен, не тождествен себе. В. Прозерский подчеркивает важность мысли Бахтина, что пока человек жив, его нельзя считать завершенным, так же не завершенными являются и культура, и мир, и художественный текст. Таким образом, эстетический объект является своеобразно осуществленным событием действия и взаимодействия творца и содержания (Prozerskii & Radeev, 2019). В учении об эстетическом событии звучат основные идеи концепции диалогизма как действенного преобразующего взаимоотношения разных несовпадающих сознаний. Это значит, что любое высказывание имеет перформативный характер, то есть представляет собой скрытое или явное социальное действие (Prozerskii, 1995, 31). Вадим Прозерский отмечает, что тема перформативного характера художественной речи разрабатывалась в 1920-е годы так называемым

«Кругом Бахтина», в который, кроме него самого, входили В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев. Согласно этим исследованиям, коммуникативная ситуация не сводится только к обмену высказываниями, а состоит из двух уровней — словесного (актуализированного) и подразумеваемого (имплицитного). Все имплицитное в высказывании — это паралингвистические факторы и социальный контекст, в котором происходит событие встречи людей. Следовательно, коммуникативный акт происходит одновременно на нескольких уровнях, образуя синтез, выходящий за рамки одних только вербальных значений. Через вчувствование в энергию высказывания восстанавливается все действие общения, таким образом, художественная коммуникация представляет собой перформативный акт. Вадим Викторович отмечал особый филологический слух Бахтина, позволявший ему при чтении литературных произведений эксплицировать звучание разных социальных языков, переплетение которых образует ткань романа. В художественной коммуникации он различал не один голос, а контрапункт голосов — автора, слушателя, а также героев произведения (учение о полифоническом романе). Таким образом, чтение текста означает его исполнение, наполнение перформативными событиями (Prozerskii, 2014, 29-31).

В. В. Прозерский не был кабинетным теоретиком и историком, охраняющим незыблемость парадигмы классической эстетики. Для него было важно понять, насколько она соответствует современному миру культуры, и означают ли происходящие в нем процессы необходимость радикального отказа от классической эстетики. Над этим вопросом он размышлял в статье «Эстетика вне искусства, или ситуационная эстетика» (Prozerskii, 2010). Он отмечает, что на протяжении уже почти полувека происходит вытеснение кардинальных понятий классической эстетики, таких как художественное произведение, артефакт, художественный образ, автор, метафизические смыслы, а содержание ряда понятий (например, эстетическое событие, художественная коммуникация) существенно изменяется. Внимание современной эстетики переключается на интенсивность воздействия, параклассическую коммуникативную ситуацию, языковые игры, перформативность.

В. В. Прозерский анализирует эти изменения как преобладающую современную данность и пытается определить ее соотношение с классической эстетикой. Он видит суть замены понятия *эстетический объект*, как основы эстетического события (по М. Бахтину), современной трактовкой термина эстетическое событие, исходящей из последствий воздействия в границах самостоятельной коммуникативной ситуации, обладающей собственными правилами построения и функционирования (Prozerskii, 2010, 14). Такое событие инициируется и стимулируется обсуждениями по поводу явления, то есть околохудожественной коммуникацией в рамках артмира. Главными агентами этого процесса оказываются не автор-творец и не воспринимающий произведение субъект, а представители арт-сообщества (кураторы, галеристы, критики, СМИ). Поэтому Прозерский называет такой тип коммуникации *парахудожественной коммуникацией*, участники которой организуют квалификацию того или иного явления на поле искусства как события (Prozerskii, 2010, 13). Язык паражудожественной коммуникации носит перформативный характер, так как его цель в создании консенсуса участников процесса. Исходя из этого, «задачи эстетики видятся в анализе отдельных событий без обращения к универсалиям, подобным красоте и сущности искусства, соответственно эстетическое событие трактуется [...] как форма межчеловеческой коммуникации» (Prozerskii, 2010, 14). Отсюда В. В. Прозерский делает вывод, что эстетику, переходящую от общих глобальных теорий к анализу отдельных эстетических ситуаций и событий, «можно определить как *метаэстетику*, т.е. науку анализа языка эстетического дискурса, а также как ситуационную, или, в другом варианте, как *микроэстетику*» (Prozerskii, 2010, 15).

Подводя итоги исследованию эстетической и художественной коммуникации, В. В. Прозерский размышляет о сущности разных видов коммуникации и их месте в культуре. Главная волнующая его проблема — пределы каждого из основных типов коммуникации, которые он обозначает терминами *гетерокоммуникация* и *автокоммуникация*. Гетерокоммуникация — социальная деятельность по поводу ее интересов, функций, инструментов, в том числе обмена информацией, цель которой

в достижении завершения предмета коммуникации. В автокоммуникации предметом является само человеческое Я (человеческий Дух или субъективный мир), ведущее в бесконечность, а ее целью является самосознание субъекта. Прозерскому близка мысль Бахтина о бесконечности диалогической коммуникации, поскольку оба участника диалога, в конечном счете, общаются по поводу трансценденций, т. е. высших смыслов и ценностей. Продолжая эту мысль, Вадим Викторович говорит, что самосознание базируется не на инструментальных, а на трансцендентных ценностях, откуда следует вывод: «конечный смысл человеческой жизни, являющийся ее главной ценностью, — имманентен жизни, но при этом [...], он одновременно трансцендентен ей» (Prozerskii, 2012, 266).

Подытоживая сравнительный анализ двух основных типов коммуникации, исследователь приходит к заключению, что, во-первых, автокоммуникация направлена на углубление самосознания субъектов, а гетерокоммуникация направляет сознание на внешние объекты; во-вторых, автокоммуникация опирается на абсолютные ценности, а гетерокоммуникация возникает по поводу инструментальных ценностей; в-третьих, автокоммуникация это общение личностей, а гетерокоммуникация — взаимодействие между субъектами-специалистами в их социальных ролях; в-четвертых, в автокоммуникации возникают ценностные, личностно окрашенные отношения, а в гетерокоммуникации все зависит от социальной ситуации, в которую человек «заброшен» независимо от его воли (Prozerskii, 2012, с.267). В этом сопоставлении нетрудно видеть различие общения и коммуникации, о котором писали в свое время К. Ясперс, М. Бубер и М. С. Каган (Kagan, 1988). На основании такого различия Вадим Викторович приходит к проблеме сопоставления двух сфер общества. Одна — гуманитарная, в основе которой моральные межличностные отношения с их апелляцией к абсолютным ценностям, другая — носитель социальных основ всех форм деловой активности человека (материально-практическая, научная и т. д.) (Prozerskii, 2013, 267). Но исследователя все же интересует не само различие этих двух коммуникативных сфер, а то, что может стать связующим звеном между ними?

Он убежден, что таким звеном является культура. В истоках этого вывода, пишет Прозерский, стоит Кант с его идеей о способности эстетического суждения и «изящного искусства» объединять мир природы (познание) и мир свободы (мораль). Но в XX в. был поставлен вопрос о кризисе самой культуры, выражающемся в раздвоенности человека между миром теоретических и нормативных систем и индивидуальной жизнью, то есть о непреодолимом конфликте между жизнью и культурой. М. М. Бахтин, к которому вновь обращается В. В. Прозерский, видел выход из этого конфликта в акте ответственного морального поступка, осуществляющегося в смысловой сфере экзистенциальной коммуникации. А для такого действия, продолжает эту мысль Прозерский, требуется многофункциональный язык, доступный только выразительному символу, объединяющему предмет и смысл и объединяющему людей, а следовательно, воссоединить человека, жизнь, культуру и цивилизацию способна именно символическая реальность (Prozerskii, 2012, 269).

Такова теоретическая модель, определяющая место и функции коммуникации в культуре. Но как обстоит дело в реальной истории культуры? Отвечая на этот вопрос, В. В. Прозерский обращает внимание на существование «колебательного контура» культуры, в котором две координаты коммуникации то сближаются, то расходятся на протяжении всей истории культуры, а это значит, что «культура не сводится ни к одному из рассмотренных выше видов коммуникации, а представляет собой контур, объемлющий оба вида. Этот контур все время пульсирует и растягивается или вытягивается по отношению к горизонтали (социальные ценности) или к вертикали (автокоммуникация)» (Prozerskii, 2012, 271).

Автор подчеркивает, что культура не является готовой данностью, что ее надо добиваться как эффекта деятельности, формы ее выражения, ибо «культура не бытийствует, она — сбывается» (Prozerskii, 2012, 272). Он демонстрирует этот тезис на примере жизни современного города, в котором сходятся символическая реальность и цивилизация. Но их союз может возникнуть, если будет напряжение творческой воли, направленной на сохранение связи между предметным значением и глубинным смыслом. Тогда символ объединит

обе сферы коммуникации: автокоммуникацию и гетерокоммуникацию (Prozerskii, 2012, 271).

В заключение В. В. Прозерский делает вывод, который поэтично формулирует так: «культура образуется из бесконечного количества событий — атомов культуры, вспыхивающих и гаснущих огней творческих актов, сопрягающих мир социальных ценностей с трансцендентными [...] в конечном счете, смысл культуры в том, чтобы создавать светоносную ауру общества, находить выразительные формы для осуществления полноты жизни» (Prozerskii, 2012, 272).

Обобщая рассмотрение многолетних исследований Вадима Викторовича Прозерского, можно видеть, что проблема коммуникации играла концептуально образующую роль в его культурологических и эстетических воззрениях.

К сожалению, он сам не успел представить свои идеи о существовании коммуникации в единой монографии, что было бы неоценимым вкладом в развитие исследований этой проблемы. Поэтому мне показалось важным реконструировать и показать в развитии его целостную концепцию коммуникации, опираясь на его идеи, сформулированные им в разные годы и разбросанные по многочисленным статьям.

Вадим Викторович понимал коммуникацию как онтологическую (образующую, строительную) основу единства человека, культуры и цивилизации и подчеркивал особую значимость эстетической и художественной коммуникации в осуществлении интеграции экзистенциально-личностных, культурно-смысловых, чувственных и трансцендентных интенций человеческой жизни. Такое представление складывалось под влиянием непрекращавшегося диалога с идеями М. М. Бахтина, которые Вадим Викторович бережно сохранял, обобщал и развивал в своих работах. Тем самым, он доказывал ценность связи классической, неклассической эстетики, представителем которой он считал Бахтина, и современной эстетической парадигмы и доказывал значимость целостной эстетической теории для понимания смысловых пульсаций в истории культуры. В этом выразилась его мудрость как историка и как философа, обладающего талантом встать на мета-позицию по отношению как к прошлому, так и к современности.

REFERENCES

- Kagan, M. S. (1988). *Mir obshcheniia: Problema mezhsob"ektnykh otnoshenii* [The world of communication: The problem of intersubjective relations]. M.: Politizdat. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (1995). "Novaia ontologiya" i problema iazyka ["New Ontology" and the problem of language]. *Vestnik SPBGU*, ser. 6, vyp. Z, 23-37. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (1997). Ontologiya kul'tury i dialogicheskaya germeneytika M. M. Bakhtina [Ontology of culture and dialogical hermeneutics of M. M. Bakhtin]. *Metafilosofiya ili filosofskaya refleksiya v prostranstve traditsii i novatsii: Mezhdunarodnye chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury* [Metaphilosophy or philosophical reflection in places of traditions and innovations: International readings on the theory, history and philosophy of culture], №4, 250-256. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (2010). Estetika vne iskusstva, ili situatsionnaya estetika [Aesthetics outside art, or situational aesthetics]. In *Estetika bez iskusstva? Perspektivy razvitiya. (Sbornik statei)* [Aesthetics without art? Development prospects. (Collection of articles)] (9-16). SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (2011). Polifoniya i dialogizm. Estetika M. M. Bakhtina [Polyphony and dialogueism. Aesthetics M. M. Bakhtin]. In V. V. Prozerskii, N. V. Golik (Eds.), *Istoriya estetiki: Uchebnoe posobie* [History of aesthetics: Textbook] (538-543). SPb.: Izd-vo hristianskij gumanitarnoj akademii. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (2012). Kommunikativnaya model' kul'tury [The world of communication: The problem of intersubjective relations]. *Al'manakh kafedry estetiki i filosofii kul'tury SPbGU* [Almanac of the Department of Aesthetics and Philosophy of Culture of St. Petersburg State University], №3, 262-273. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (2014). M. M. Bakhtin: performativnyi podkhod k esteticheskoi kommunikatsii [M. M. Bakhtin: performative approach to aesthetic communication]. In *Aktual'naya estetika-I: materialy mezhdunarodnogo foruma* [Actual aesthetics-I: materials of the international forum] (29-31). SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).
- Prozerskii, V. V. (2018). Polifoniya i dialogizm. Estetika M. M. Bakhtina [Polyphony and dialogueism. Aesthetics M. M. Bakhtin]. In S. B. Nikonova, A. E. Radeev (Eds.), *Estetika. Istoriya uchenii. V 2 ch. Chast' 2: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Aesthetics. The history of the teachings. In 2 volumes. Vol. 2: textbook for undergraduate and graduate studies]. M.: Izd-vo Iurait. (In Russian).

- Prozerskii, V. V. (2018). Spor o iazyke estetiki [The debate about the language of aesthetics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Serii 3. Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3. Economic, humanitarian and social sciences], №1, 56-61. (In Russian).
- Prozerskii, V. V., & Radeev, A. E. (2019). *Poniatie esteticheskogo sobytiia u M. M. Bakhtina i ego znachenie dlia sovremennoi estetiki* [The concept of an aesthetic event in M. M. Bakhtin and its significance for modern aesthetics]. Unpublished. (In Russian).